

Карло Гинзбург

Еще раз об Аристотеле и истории¹

Carlo Ginzburg

Aristotle and History, Once More

Карло Гинзбург (Калифорнийский университет в Лос-Анджелесе; заслуженный профессор кафедры социальных наук; PhD) ginzburg@history.ucla.edu.

Ключевые слова: Фукидид, Аристотель, риторика, антикварный метод, теория истории, доказательство

УДК: 930.2

DOI: 10.53953/08696365_2022_174_2_17

Статья Карло Гинзбурга, первоначально опубликованная в журнале «Quaderni storici» в 1994 году, вошла первой главой в его книгу «Rapporti di forza. Storia, retorica, prova». Книга основана на его иерусалимских лекциях по истории памяти М. Стерна, выпущенных в 1999 году на английском языке под названием «History, Rhetoric, and Proof», и была переведена на многие языки: немецкий (2001), японский (2001), иврит (2001) и французский (2003). Тема, которую исследует Карло Гинзбург, — античная и (в следующих главах книги) ренессансная генеалогия современного историографического метода, нацеленного на эмпирически обоснованное извлечение истин о прошлом. В главе, перевод которой предлагается вниманию читателей, источник исторической науки обнаруживается в понятии доказательства (*τεκμήριον*) у Фукидиса и в «Риторике» Аристотеля.

Carlo Ginzburg (PhD; Professor Emeritus, Social Sciences Division, University of California, Los Angeles) ginzburg@history.ucla.edu.

Key words: Thucydides, Aristotle, rhetoric, antiquarianism, theory of history, proof

УДК: 930.2

DOI: 10.53953/08696365_2022_174_2_17

Carlo Ginzburg's article, which originally appeared in 1994 in the journal *Quaderni storici*, later became the first chapter of his book *Rapporti di forza. Storia, retorica, prova*. The book is based on his Jerusalem lectures in history in memory of Menahem Stern, published in English in 1999 under the title *History, Rhetoric, and Proof*, and was later translated into many languages, including German (2001), Japanese (2001), Hebrew (2001), and French (2003). The topic that Carlo Ginzburg explores is the ancient and — in the book's following chapters — Renaissance genealogy of the modern method of historical writing, which aims to uncover empirically verifiable truths about the past. In the following chapter, Ginzburg locates the source of historical science in the concept of evidence-based proof (*τεκμήριον*) in Thucydides and Aristotle's *Rhetoric*.

1. Всякий человек, размышляющий о значении истории, будь то грек в древности или мы сегодня, должен соотносить свое мнение с суждением Аристотеля, высказанным в знаменитом фрагменте его «Поэтики» (1451b). Аристотель писал, что «поэзия философичнее и серьезнее истории». Первая изображает общее и возможное «в силу вероятности или необходимости», вторая — единичное и подлинное («что сделал или претерпел Алкивиад»)². Мозес Финли

1 Текст представляет собой главу из книги К. Гинзбурга «Соотношения сил» [Ginzburg 2001: 51–67], перевод которой на русский язык в данный момент готовится в издательстве «Новое литературное обозрение». Последний раздел главы здесь печатается в сокращенном виде.

2 Я использую перевод «Поэтики» К. Галлавотти [Aristotele 1987], внося в него некоторые изменения. Русский перевод М.Л. Гаспарова цит. по: [Аристотель 1983: 655];

комментировал: «Он [Аристотель] не ограничился осмеянием истории, он ее полностью отверг» [Finley 1981: 5]³. Четкий вывод, какого можно было и ожидать от Финли. Однако, вероятно, его уместно переформулировать, по крайней мере частично. Я постараюсь показать, воспользовавшись также еще одним наблюдением Финли, сделанным по другому поводу, что текст, в котором Аристотель наиболее подробно говорит об историографии (или, во всяком случае, о ее фундаментальной сути) в близком нам всем смысле, — это не «Поэтика», а «Риторика».

Есть большой риск, что мое утверждение будет истолковано превратно. Сведение историографии к риторике вот уже тридцать лет как служит излюбленной темой полемики с позитивизмом, которая быстро набирает обороты и в той или иной степени обнаруживает скептический характер. Хотя этот тезис в сущности восходит к Ницше, сегодня он по большей части связывается с именами Ролана Барта и Хейдена Уайта⁴. Их точки зрения совпадают не полностью, но при этом покоятся на общих основаниях, так или иначе сформулированных в эксплицитном виде: как и риторика, историография занимается исключительно убеждением; ее цель — воздействие, а не истина; подобно роману, сочинение по историографии творит автономный мир текста, не имеющий никакой верифицируемой связи с внетекстовой реальностью, к которой он отсылает; историографические и художественные тексты автореференциальны, поскольку и тем и другим присуще риторическое измерение.

Упомянутые положения вращаются вокруг риторики, ее целей и границ. Однако о какой риторике идет речь? Разумеется, не о той, что стала предметом анализа в самом древнем дошедшем до нас трактате о риторике, то есть в «Риторике» Аристотеля. Достаточно прочитать ее начало, чтобы убедиться в этом. Сказав, что «риторика отвечает диалектике, как антистрофа — строфе» и что все пользуются ею либо случайно, либо с непринужденностью, происходящей от привычки, Аристотель объявляет, что ставит себе совершенно иную цель, нежели его предшественники, которые в (ныне утраченных) трактатах изучили лишь незначительную часть «словесного мастерства»:

...единственное, что [в риторике] зависит от мастерства, — доказательства [*pistis*], все остальное — только приложения к ним. Между тем составители руководств по словесному мастерству ничего не говорят об энтилемах, которые составляют основу доказательств, по большей части распространяясь о вещах, не относящихся к делу; ведь клевета, жалость, гнев и другие подобные душевные страсти не к делу относятся, а к судье (1354a)⁵.

в итальянском переводе «Поэтики» буквально сказано: «...поэзия более философична и возвышенна [*più elevata*], чем история». Текст в квадратных скобках — пояснения переводчика. (Здесь и далее все комментарии, относящиеся к русским переводам, принадлежат переводчику.)

3 Оригинальное издание: [Finley 1975]. Комментарий косвенным образом упомянут в последней книге Финли: [Finley 1987: 183, п. 30] (оригинальное издание: [Finley 1985]).

4 См. введение к этой книге, а также мою статью: [Ginzburg 1992].

5 Я использую перевод А. Плебе, исправленный в ряде важных мест: [Aristotele 1973: 3] (рус. перевод Б. Маслова). Следует обратить внимание на комментарий к «Риторике», составленный У.М.Э. Гримальди [Grimaldi 1980] и лежащий в русле его более ранних исследований, среди которых в особенности значимой является работа: [Grimaldi 1978].

Аристотель решительно отвергает как позицию софистов, понимавших под риторикой лишь искусство убеждения благодаря управлению аффективными импульсами, так и точку зрения Платона, осудившего риторику в «Горгии» по тем же соображениям⁶. Критикуя софистов и Платона, Аристотель вычленяет в риторике рациональное ядро: доказательство или, точнее, доказательства. Связь между историографией в том смысле, в каком ее понимали в Новое время, и риторикой в аристотелевском значении следует искать здесь, притом что, как мы сразу увидим, наше представление о «доказательстве» сильно отличается от интерпретации этого понятия Аристотелем⁷.

2. Аристотель различает три вида риторики: совещательную, эпидейктическую (то есть призванную хвалить или порицать) и судебную. Каждой из них соответствует свое временное измерение: будущее, настоящее и прошлое (1358b). Доказательства делятся на «технические» и «нетехнические». В числе последних Аристотель упоминает «свидетелей, показания, данные под пыткой, письменные договоры и т.п.» (1355b). В афинском обществе IV в. до н. э. письменный текст выполнял важную функцию, а рабов можно было на законных основаниях пытать⁸. Далее Аристотель добавляет к списку законы и клятвы, уточняя, что все эти доказательства относятся к сфере судебной риторики. Технические доказательства бывают двух родов: пример (*paradeigma*) и энтилема в области риторики, которые соответствуют индукции и силлогизму в области диалектики. Пример и энтилема относятся соответственно к совещательному и судебному красноречию (в то время как эпидейктическое характеризуется прежде всего амплификацией, [ведь в данном случае «речь идет о деяниях, о которых не спорят, так что остается только придать им величие и красоту»]). Аристотель продолжает:

Что же касается примеров, то они наиболее подходят к речам совещательным, потому что мы судим о будущем, делая предсказания на основании прошедшего. Энтилемы же — к речам судебным, потому что прошедшее, вследствие своей неясности, в наибольшей степени допускает поиск причин и доказательную аргументацию (1368a).

Следствия последнего утверждения обнаруживаются далее, в ходе разговора об энтилемах. Вновь делается отсылка к процессу, в котором сталкиваются защитник и обвинитель. «Энтилемы могут иметь четыре источника, — пишет Аристотель (1402b), — и эти четыре источника — правдоподобие [*eikos*], пример [*paradeigma*], свидетельство [*tekμērion*], признак [*sēmeion*]». Таким образом, обвинитель находится в сложном положении: его умозаключения легко опровергнуть, ибо они относятся к тому, что бывает «не всегда, но по большей части» (*epi to poly*), но так как речь идет о «правдоподобном», а не «необходимом» умозаключении, то и опровержение оказывается иллюзорным. Энтилемы, ос-

6 О «синтезе» двух позиций пишет Ф. Солмсен, см.: [Solmsen 1929].

7 Необходимо сопоставить «аристотелевскую проблему истории... с аристотелевской проблемой риторики» была обоснована и сразу же отброшена С. Мадзарино [Mazzarino 1983: 415], который красноречивым образом обходит стороной вопрос о доказательстве. Я занимался проблемой доказательства, хотя и в несколько иной перспективе, в работах: [Ginzburg 1991a] (рус. перевод М.Б. Велижева см.: [Гинзбург 2021]); [Ginzburg 1991b].

8 См.: [Thomas 1990].

нованные на примерах и признаках, также не выходят из границ вероятного (1403а). Лишь энтилемы, основанные на свидетельствах [*tekmeria*], позволяют выдвинуть неопровергимые доводы (1403а; 1357а—1357б) [Hankinson 1997].

Энтилема, занимающая первое место среди технических доказательств, базируется, утверждает Аристотель, на меньшем числе положений (они понятны, и оттого их необязательно эксплицировать), чем силлогизм: «...ведь если какое-нибудь из них общеизвестно, приводить его не нужно: его добавляет сам слушатель...» Затем следует пример:

...Дорией победил в состязании, наградой в котором служит венок: достаточно сказать, что он победил на Олимпийских играх, а прибавлять, что наградой за победу служит венок, не нужно, потому что все это знают (1357а).

3. Традиционное определение энтилемы как неполного силлогизма (*syllogismos*) обычно отсылает к следующему месту «Первой аналитики» (II, 27): «Энтилема есть неполный [*atelēs*] силлогизм из вещей вероятных или из признаков»⁹. В своей очень важной статье М.Ф. Бернит утверждал, что слово *atelēs*, присутствовавшее лишь в одном из манускриптов, происходит из древней гlossen, которая в какой-то момент была частично выскоблена. Глосса стала результатом неправильного толкования, продиктованного интерпретацией аристотелевской теории энтилемы в духе стоиков¹⁰. И тем не менее традиционное истолкование энтилемы как неполного силлогизма, кажется, находит подтверждение в процитированном выше пассаже о Дориее (1357а), цель которого как раз показать, что энтилема поконится на зачастую неэксплицированных основаниях, число которых меньше, чем число предпосылок, необходимых для обычного силлогизма. Бернит видит проблему, но считает, что ее можно решить с помощью утверждения, согласно которому в отрывке о Дориее «аргументация не изложена в виде силлогизма, что иначе потребовало бы значительного переопределения». И все же соответствующий силлогизм, который Бернит формулирует следом («все победители Олимпийских игр получают в награду венок; Дорией победил в Олимпийских играх, следовательно Дорией награжден венком»), не представляется особенно сложным [Burnyeat 1994: 22—23]. Кажется, нам следует с неизбежностью принять определение энтилемы как неполного силлогизма, приведенное тем же Аристотелем. Однако Бернит отвергает его как абсурдное:

В выделении особого класса аргументов по признаку неполноты так же мало пользы или интереса для логики, как в выделении класса аргументов, сформулированных с излишним тщанием, или аргументов, выраженных темно или острословно. Логика не полностью выраженных суждений так же избыточна, как логика негодящих суждений [Там же: 5].

Последняя фраза указывает на уязвимое место размышлений Бернита. Аристотель говорит здесь о риторике, а не о логике, а риторика всегда подразумевает конкретное и, следовательно, ограниченное сообщество. Нет нужды упоминать тот факт, что награда за победу в Олимпийских играх — это венок, ибо

9 Цит. по: [Aristotele 1996: 415] (рус. перевод Б. Маслова).

10 См.: [Burnyeat 1994: 3—55] (благодарю Джорджа Аннаса за указание на эту статью).

О «силлогизме» как неверном переводе слова *syllogismos* см.: [Barnes 1981: 17 ff, in particular: 23, п. 7].

все об этом и так знают (*gignōskousi gar pantes*). В данном случае «все» означает не «все разумные животные», а «все греки». Это обстоятельство доказывает скрытая аллюзия на Геродота (VIII, 26), которая, если я не ошибаюсь, ускользнула от толкователей этого места «Риторики» (1357а).

Победив в битве при Фермопилах, Ксеркс спросил у перебежчиков из Аркадии, что теперь делают греки. Те ответили, что «эллины справляют олимпийский праздник — смотрят гимнические и иппические состязания». Тогда Ксеркс спросил,

какая же награда назначена состязающимся за победу, и те отвечали: «Победитель обычно получает в награду венок из оливковых ветвей». Тогда Тигран, сын Артабана, высказал весьма благородное мнение, которое царь, правда, истолковал как трусость. Именно услышав, что у эллинов награда за победу в состязании — венок, а не деньги, он не мог удержаться и сказал перед всем собранием вот что: «Увы, Мардоний! Против кого ты ведешь нас в бой? Ведь эти люди состязаются не ради денег, а ради доблести!»¹¹

Смысл истории очевиден. Только варвар мог не знать, что наградой на Олимпийских играх, с регулярной периодичностью подчеркивавших культурное единство греков, служил венок. Греческий оратор, обращающийся к греческой публике, — имел в виду Аристотель — конечно, не должен был упоминать о подобной детали. В диалоге «Анахарсис» Лукиан рассказывает об иностранце — варваре, скифе, — который, посмотрев на игры в греческом гимназии, попросил объяснений у грека по имени Солон. Когда ему сказали, что наградой на них служит венок из оливковых или сосновых ветвей, он разразился смехом¹².

Награда в Олимпийских играх — это лишь одно из бесчисленных правил, написанных невидимыми чернилами на ткани повседневной жизни греческого общества. Правила подобного рода существуют во всяком социуме, в каком-то смысле они служат условием, благодаря которому он функционирует. Несколькими десятилетиями ранее историки не интересовались подобными правилами, возможно потому, что считали их само собой разумеющимся делом (так порой случается и в наши дни).

Бернит справедливо замечает, что невысказанные предпосылки не являются обязательным элементом энтилемы. Аристотель ограничивается словами: «...ведь если какая-нибудь из них общеизвестна, приводить ее не нужно: ее добавляет сам слушатель» (1357а; курсив мой. — К.Г.). Предпосылки — это часть знания, которым по умолчанию владеет как оратор, так и его аудитория.

4. Однако действительно ли пример с Дориесом — это энтилема? Юджин И. Райан считает:

Как кажется, пример просто сообщает о свершившемся факте, это не энтилема... что мы хотели бы доказать этими словами? О стремлении убедить в чем именно мы сообщаем? <...> Даже если мы признаем, что перед нами род аргументации, нам будет сложно счесть ее аргументацией риторической [Ryan 1984: 42—43].

Сомнение вполне законное, однако (как мы увидим ниже) лишенное оснований.

11 Цит. по: [Erodoto 1977: 27] (рус. перевод Г.А. Стратановского цит. по: [Геродот 1972: 384]).

12 См.: [Luciano 1996: 128 sgg.] (рус. перевод Д.Н. Сергеевского см.: [Лукиан 2001: 215]).

См. также: [Roscioni 1992: 164; Ginzburg 1997: 337—346].

Аристотель обнародовал «Риторику» около 350 года до н. э. Дорией из Родоса, сын Диагора, трижды побеждал в Олимпийских играх (в 432, 428 и 424 годах до н. э.); в 412—407 годах до н. э. он поддерживал спартанцев [Moretti 1957: 105, n. 33]¹³. Пример, относящийся к жившему почти ста годами прежде человеку, в разделе, посвященном судебной риторике, выглядит несколько странно. Конечно, Аристотель писал, что «энтимемы наиболее подходят к речам судебным, потому что прошедшее, вследствие своей неясности, в наибольшей степени допускает поиск причин и доказательную аргументацию» (1368a). Однако отсылка к столь стародавнему событию, как победа Дориэя, формально более соответствовала другим формам исследований о прошлом, например истории. В конце концов, само понятие исторического времени в противопоставлении смутному мифическому прошлому появилось в Греции благодаря воссозданию списка победителей Олимпийских игр, задававшего хронологические параметры самых разных событий [Körte 1904]. В одном из характерных пассажей, по случайности касавшемся персонажа, упомянутого Аристотелем, Фукидид писал: «Это была олимпиада, на которой родосец Дорией второй раз одержал победу» (III, 8)¹⁴. Ученые труды Аристотеля не дошли до нас. Он составил список победителей Пифийских игр, а кроме того, проверил и исправил список победителей Олимпийских игр (куда входил и Дорией), сделанный знаменитым философом и ритором Гиппием [Weil 1960: 131—137]. В саркастической автохарактеристике, которую вложил в уста Гиппия Платон, тот хвастается своими успехами у спартанцев: «О родословной героев и людей, Сократ, о заселении колоний, о том, как в старину основывались города, — одним словом, они с особенным удовольствием слушают мои рассказы о далеком прошлом» (Нр. mai. 285d)¹⁵. Гиппий был не только философом и ритором, но и археологом, как мы сказали бы сегодня, любителем древности¹⁶. Много лет назад Арнальдо Момильяно заметил, что учений труд Гиппия, основанный прежде всего на эпиграфических свидетельствах, подразумевал «рационалистический подход, критический метод» [Momigliano 1969: 149]. Аристотель — любитель древности, последователь Гиппия, помогает нам понять Аристотеля-философа, который подвергает терминологию доказательств сжатой концептуальной критике и обнаруживает в доказательстве рациональное ядро риторики. В те годы, когда Аристотель редактировал свою «Риторику», он расшифровывал надписи — деятельность в высшей степени логическая — в Олимпии и в Дельфах, стремясь разработать хронологию победителей Олимпийских игр [Düring 1976: 64—65]. Фактическое утверждение «Дорией победил в Олимпийских играх», возникшее благодаря умозаключениям, основанным «на вещах вероятных или на признаках», отвечало сформулированному в «Риторике» определению энтимемы (1357a).

5. В своей очень тонкой статье Дж.Э.М. де Сент Круа искал в разных сочинениях Аристотеля следы чтения им Фукидida, но к определенному выводу так и не пришел [Ste. Croix 1975]¹⁷. Сент Круа особенно подробно разбирал выра-

13 Там же см. библиографию.

14 Рус. перевод Г.А. Стратановского см.: [Фукидид 1981: 115].

15 Цит. по: [Platone 1974: 802] (рус. перевод А.В. Болдырева цит. по: [Платон 1990: 391]).

16 [Momigliano 1955: 70; n. 5] (рус. перевод К.А. Левинсона см.: [Момильяно 2015: 604—648]) (см. также: [Momigliano 1984: 7, n. 3]).

17 См. также: [Pippidi 1948].

жение *to hōs epi to poly* (“по большей части” в функции имени существительного), которое он обнаружил в научных текстах Аристотеля; на «Риторике» он почти не останавливался. Между тем в том месте «Риторики» (1402b), где Аристотель анализирует источники энтилемы, несубстантивированное (и намного более частое) выражение *epi to poly* появляется четырежды, будучи связано с рядом ключевых терминов, с помощью которых Фукидид обозначает собственную способность познавать прошлое: *eikos, paradeigma, sēmeion, tekmerion* [Index 1964]. Посмотрим на последнее из этих понятий, которое вместе со связанным с ним глаголом *tekmaiotai* дважды фигурирует в самом начале творения Фукидода. Историк начинает свой рассказ, утверждая в третьем лице, что Пелопонесская война, о которой он намерен повествовать, — это величайшая из всех существовавших прежде войн: «рассудил он так» (*tekmaiotenos*) благодаря анализу настоящей ситуации в Греции и исследованию прошлого на основе «свидетельств» (*tekmerion*), которые он считал надежными (I, 1, 1) [Фукидид 1981: 5]. Чуть ниже он говорит, что Гомер, называя эллинами лишь некоторых из спутников Ахилла, дает наилучшее свидетельство (*tekmerioi de malista*) тому, что перенос термина на всех греков — это более позднее явление (I, 3, 3) [Там же: 6]. В так называемом археологическом разделе образ древних времен, воссозданный с помощью свидетельств (*tōn <...> tekmeriōn*), противопоставлен тяготеющему к баснословию (*to mythōdēs*) описанию прошлого у поэтов и логографов (I, 21, 1; см. также: I, 20, 1)¹⁸ [Там же: 13]. Гипотетическая локализация древнейшей части Афин в Акрополе и районе, примыкающем к нему с юга, на основании воздвигнутых в этой городской зоне святилищ вводится с помощью выражения *tekmerion de*, «вот свидетельство этому» (II, 15, 4). Теми же словами открывается при разговоре об афинской чуме суждение о том, что эпидемия особенная, ведь исчезли птицы, обычно питавшиеся трупами (II, 50, 2) [Там же: 85].

Проведенное Аристотелем различие между признаком (*segno, sēmeion*) и необходимым признаком, свидетельством (*segno necessario, tekmerion*) упорно связывалось с судебной риторикой. Однако оно могло сложиться и под воздействием его весьма вольного использования Фукидидом, а возможно, и другими авторами¹⁹. Дабы убедиться в этом, достаточно остановиться на месте, в котором Фукидид усматривает в обыкновении носить оружие, присущем жителям таких регионов, как Локрида и Этолия, доказательство того, что прежде те же самые привычки были распространены в Греции повсюду (I, 6, 2) [Фукидид 1981: 7]. Это рассуждение воспроизводит аргументацию уже упоминавшегося отрывка, в котором Фукидид, опираясь на расположение храмов на Акрополе, доказывает, что там находился древнейший центр города (II, 15, 3). В обоих случаях на первый план выходит доказательство: однако в первом примере используется понятие *sēmeion*, а во втором — *tekmerion*. В термино-

18 См. новаторскую книгу: [Täubler 1927] (новое издание — 1979 года), а также: [Täubler 1987] с предисловием Г. Альфёлди (Alföldy) (в предисловии см. список рецензий и некрологов и, кроме того, библиографию). Аналогичную точку зрения см.: [Gomme 1966]. Гоммель в особенности настаивает на связи между Фукидидом и ритором Антифонтом.

19 М.Ф. Бернит отмечает, что в наиболее древней риторической традиции интересующее нас различие отсутствовало: [Burruyeat 1982: 193—238, in particular: 196, п. 10]. См. также процитированный комментарий к первой книге «Риторики» Аристотеля под ред. У.М.Э. Гримальди [Grimaldi 1980: 63 ff.].

логии Аристотеля последнее слово предназначено для описания естественных и необходимых связей, позволяющих сформулировать настоящий силлогизм: если у женщины есть молоко, то она родила (1357b). Напротив, Фукидид использует термин *tekmerion* более или менее как синоним *sēmeion* для указания на необязательные связи, имеющие силу «по большей части» (*epi to poly*).

6. Высказанные прежде соображения бросают неожиданный свет на уже приводившееся нами вначале место «Поэтики» (1451b), в котором Аристотель девальвирует историю по сравнению с поэзией. История, о которой говорил Аристотель, — это не та история, которую мы имеем в виду сегодня, если не считать словесного совпадения. В своей последней книге Финли заметил, что разыскания в области старины, которые с точки зрения греков относились к «археологии» или любви к древности, а не к историографии в собственном смысле слова, начали проводиться учениками Аристотеля [Finley 1987: 28, 54, 172, п. 22]. В «Поэтике» слово «история» (*historia*) взято у Геродота, которого Аристотель критиковал в «Риторике» (1409a) за «архаичность» стиля²⁰. Фукидид (в особенности Фукидид-«археолог»), который регулярно использовал аргументацию, основанную на энтилемах, «составляющих основу доказательств» (1354a), являлся, с точки зрения Аристотеля, другой случай, менее уязвимый для критики²¹.

Археология, или любовь к древности, чья задача — реконструировать события, о которых не сохранилось прямых свидетельств, подразумевала использование интеллектуальных инструментов, отличных от методов историографии. Момильяно связал археологические догадки Фукидиса с палеонтологическими гипотезами Ксенофана [Momigliano 1966]²². Ксенофан говорил о *typoi*: отпечатках раковин, рыб, тюленей или листов лавра, найденных в скалах и позволявших ему сделать вывод о древнейшем этапе истории земли [Presocratics 1991: 178 sgg.] (Ипполит I, 14, 5). Фукидид использовал форму захоронений или присущие жителям ряда регионов обычай как свидетельства (*tekmeria*) существования определенных явлений в самой отдаленной истории Эллады. В обоих случаях речь шла о выдвижении гипотез о невидимом на основе видимого, на базе следов. Разговорный язык греков сохранял (так же как это происходит и во многих современных языках) отзвуки древнейшего знания охотников. В «Царе Эдипе» Софокла термин *ichnos*, «след», и имя прилагательное, связанное с *tekmarō*, звучат в реплике Эдипа, сказанной по поводу известия о том, что фиванская чума разразилась из-за убийства Лая: «Где същешь неясный след давнишнего злодейства?»²³ (ст. 109 [пер. С.В. Шервинского]).

20 Фукидид (как подчеркивает Ф. Артог в новом введении к своей книге: [Hartog 1991: III, XV]) ни разу не использовал понятия *historia*.

21 Об использовании энтилем Фукидидом см.: [Romilly 1990: 73 ff, in particular: 76]: «Si place des réflexions correspond à une habitude rhétorique, leur fonction n'est en aucune façon purement rhétorique... elles font... partie de l'argumentation» («если место [куда помещены] эти размышления, обусловлено риторической привычкой, то функция у них отнюдь не риторическая... они служат... частью аргументации»), что, разумеется, соответствует древнему представлению о риторике.

22 На с. 16 см. указание на Ксенофана.

23 См.: [Williams 1993: 58–59]. Я благодарю Лучано Канфора, который в давней дискуссии побудил меня исследовать значение *sēmeion* у Фукидиса (см.: [Quaderni 1980: 49–50] в связи с моей статьей «*Spie: radici di un paradigma indiziario*», позже помещенной в книгу: [Ginzburg 1986: 158–209] (рус. перевод С.Л. Козлова см.: [Гинзбург 2004]). См. также: [Hartog 1982: 25, п. 7], а также в целом о проблеме: [Burnyeat 1982].

В начале рассуждений я утверждал, что в «Риторике» Аристотель говорит об историографии (или, по крайней мере, о ее сути) во все еще близком нам смысле. Эта «суть» может быть сформулирована следующим образом:

а) человеческую историю можно реконструировать по следам, уликам, *sēmeia*;

б) подобные реконструкции по умолчанию предполагают наличие цепочки естественных и необходимых связей (*tekਮēria*), носящих достоверный характер: пока обратное не доказано, человек не может прожить двести лет, не способен оказаться одновременно в двух разных местах и пр.;

в) за пределами зоны естественных связей историки движутся в пространстве правдоподобного (*eikos*), порой их умозаключения достигают крайней степени вероятности, но никогда на бывают полностью достоверными. При этом в текстах историков различие между «крайне вероятным» и «достоверным» имеет тенденцию исчезать.

Нет причин спорить о точном значении использованного Фукидием выражения *hōs eikos* («естественное»? «правдоподобное»?) [Westlake 1958; Butti de Lima 1996: 160 sgg.]. Со времен Фукидида и до наших дней историки по умолчанию заполняли лакуны в источниках чем-нибудь естественным, очевидным и поэтому (почти) достоверным — во всяком случае, по их собственному мнению²⁴.

Утверждение Аристотеля в «Риторике» (1360а, 33—37) о том, что *historiai* (творения историков) полезны в политике, а не в ораторском искусстве, Мадзарино считал «фундаментальным» [Mazzarino 1983: 410]²⁵. Однако дабы уловить всю полноту его смысла, мы должны поместить его в тот контекст, в котором оно было сформулировано: в контекст рассуждения о сфере *eikos*, сконцентрированного на доказательствах, в особенности на таком техническом доказательстве как энтилема. Опять же, Бернит отмечает, что наиболее обтекаемое определение основанной на признаках энтилемы, которое предлагает Аристотель, включало «такие необходимые способы рассуждения как “умозаключение, призванное дать наилучшее истолкование” (или, как говорили прежде, умозаключение, восходящее от следствия к причине [*inference from effect to cause*]), без которых было бы едва ли возможно не только заниматься риторикой и проводить общественные дискуссии, но и практиковать медицину» [Burnyeat 1994: 38].

Можно ли добавить к этому списку историю? И да, и нет. Однако судебный оратор, реконструировавший события прошлого по уликам и свидетельствам, конечно, был ближе к Фукидию-«археологу» (и к Аристотелю — любителю древности), чем к историку, подобному Геродоту, мало заинтересованному в доказательствах и энтилемах.

7. Все сказанное выше указывает на то, что в Греции IV века до н. э. риторика, история и доказательство тесным образом переплетались друг с другом. Попробуем перечислить некоторые следствия этой связи.

А. Языки, на которых мы говорим, полны слов греческого происхождения. Как показал Финли, центральные для нашей жизни понятия, такие как «эко-

24 Об этом см. мою книгу: [Ginzburg 1991a: 117, n. 72] (рус. перевод см.: [Гинзбург 2021: 110—117]).

25 С другой стороны, см.: [Finley 1981: 6].

номика» и «демократия», на самом деле не синонимичны соответствующим греческим терминам. То же касается и слова «история». Почти полвека назад Момильяно в одной из своих ключевых работ продемонстрировал, что терминологическая преемственность между «историей» и *historia* скрывает глубокий содержательный разрыв. Историография в современном смысле слова возникла в середине XVIII века в творении Гиббона, в котором совмещались две разные интеллектуальные традиции: философская история *à la Voltaire* и любовь к древности²⁶.

Момильяно показал, что подход Гиббона к истории стал результатом дискуссий между неопирронистами и любителями древности, разгоревшихся не сколькими десятилетиями ранее: первые нападали на историю, опираясь на противоречия, обнаруженные в трудах античных историков; вторые оборо няли ее с помощью строгого анализа первоисточников, в особенности нелите ратурного происхождения, то есть монет, надписей, памятников. Момильяно подробно остановился на греческой и римской «археологической» традиции, однако главные герои его статьи — это любители древности, жившие в конце XVII — начале XVIII века. Момильяно коснулся «археологии» Фукидида лишь для того, чтобы подчеркнуть ее предполагаемые отличия от археологии Гиппия. Внимание Фукидида к проблеме доказательства наводит на мысль, что нам следует придать намного больше значения тому, как именно он пользовался археологическими и литературными уликами, стремясь реконструиро вать отдаленнейшее прошлое и бесстрашно выдвигая гипотезы. Кто-то воз разит, что Фукидид, однажды уже превратившись в немецкого профессора, появляется здесь в образе английского детектива или итальянского знатока конца XIX века. Быть может. Однако напряжение между археологическими главами Фукидида и повествованием о Пелопоннесской войне неоспоримо. Вероятно, оно связано (согласно очень давно сделанному предположению) с двумя разными литературными проектами [Ziegler 1929].

Б. Если мы предположим, что археологическое (или антикварное) измерение труда Фукидида было способно вызвать у Аристотеля интерес, то общий подход последнего к истории может быть переосмыслен в свете содержащихся в «Риторике» указаний на знание прошлого, выведенное путем умозаключения. Решительность, с которой Финли отказывает в релевантности суждению об истории в «Поэтике» (1459b), следует также оценивать иначе в свете слов самого Финли о важности, которую ученики Аристотеля придавали разысканиям в области старины. В важной статье, напечатанной несколько лет назад, Грегори Надь сделал акцент на судебном измерении греческой историографии, сравнив ее с общественным арбитражем [Nagy 1988]. Если я не ошибаюсь, выводы Надя совпадают с предложенной здесь интерпретацией «Риторики» Аристотеля.

В. Все сказанное о разрывах, закравшихся в наш интеллектуальный лекси кон, можно отнести и к термину «риторика». Я попытался показать, что риторическое искусство Аристотеля сильно отличалось от того, что мы сегодня подразумеваем под понятием «риторика». Следующая глава книги будет посвящена исследованию этого решающего исторического перелома и его следствий. <...>

Перевод с итальянского Михаила Велижева

---

26 См.: [Momigliano 1955] (рус. перевод см.: [Момильяно 2015]).

Библиография / References

- [Аристотель 1983] — Аристотель. Сочинения: В 4 т. Т. 4. М.: Мысль, 1983.
- (Aristote. Sochineniya. Vol. 4. Moscow, 1983.)
- [Геродот 1972] — Геродот. История в девяти книгах / Пер. и примеч. Г.А. Стратановского. Л.: Наука, 1972.
- (Herodotus. Historiae. Leningrad, 1972. — In Russ.)
- [Гинзбург 2004] — Гинзбург К. Приметы. Уличная парадигма и ее корни // Гинзбург К. Мифы — эмблемы — приметы: Морфология и история / Пер. с итал. С.Л. Козлова. М.: Новое издательство, 2004. С. 189—241.
- (Ginzburg C. Spie: Radici di un paradigma indiziario // Ginzburg C. Miti emblemi spie. Morfologia e storia. Moscow, 2004. P. 189—241. — In Russ.)
- [Гинзбург 2021] — Гинзбург К. Судья и историк. Размышления на полях процесса Софри / Пер. с итал. М. Велижева. М.: Новое литературное обозрение, 2021.
- (Ginzburg C. Il giudice e lo storico. Considerazioni in margine al processo Sofri. Moscow, 2021. — In Russ.)
- [Лукиан 2001] — Лукиан Самосатский. Сочинения: В 2 т. Т. 1. СПб.: Алетейя, 2001.
- (Lucianus Samosatensis. Sochineniya: In 2 vols. Vol. 1. St. Petersburg, 2001.)
- [Момильяно 2015] — Момильяно А. Древняя история и любители древности / Пер. с англ. К.А. Левинсона // Науки о человеке: история дисциплин / Сост. и отв. ред. А.Н. Дмитриев, И.М. Савельева. М.: НИУ ВШЭ, 2015. С. 604—648.
- (Momigliano A. Ancient History and the Antiquarian // Nauki o cheloveke: istoriya distsiplin / Ed. by A.N. Dmitriev, I.M. Savel'eva. Moscow, 2015. P. 604—648. — In Russ.)
- [Платон 1990] — Платон. Собрание сочинений: В 4 т. Т. 1. М.: Мысль, 1990.
- (Plato. Sobranie sochineniy: In 4 vols. Vol. 4. Moscow, 1990.)
- [Фукидид 1981] — Фукидид. История. Л.: Наука, 1981.
- (Thucydides. Historiae. Leningrad, 1981. — In Russ.)
- [Аристоте 1973] — Аристоте. Opere / A cura di G. Giannantoni. Vol. X. Bari: Laterza, 1973.
- [Аристоте 1987] — Аристоте. Dell'arte poetica. Milano: Rizzoli, 1987.
- [Аристоте 1996] — Аристоте. Organon / A cura di M. Zanatta. Vol. I. Torino: UTET, 1996.
- [Barnes 1981] — Barnes J. Proof and the Syllogism // Aristotle on Science, the “Posterior Analytics”: Proceedings of the Eighth Symposium Aristotelicum, held in Padua from September 7 to 15, 1978 / Ed. by E. Berti. Padova: Antenore, 1981. P. 17—59.
- [Butti de Lima 1996] — Butti de Lima P. L'inchiesta e la prova. Immagine storiografica, pratica giuridica e retorica nella Grecia classica. Torino: G. Einaudi, 1996.
- [Burnyeat 1982] — Burnyeat M.F. The origins of non-deductive inference // Barnes J., Burnyeat M.F. Science and Speculation. Proceedings of the Second Symposium Hellenisticum. Cambridge: Cambridge University Press, 1982. P. 193—238.
- [Burnyeat 1994] — Burnyeat M.F. Enthymeme: Aristotle on the Logic of Persuasion // Aristotle's Rhetoric: Philosophical Essays / Ed. by D.J. Furley, A. Nehamas. Princeton: Princeton University Press, 1994. P. 3—56.
- [Düring 1976] — Düring I. Aristotele / Trad. it. di P. Donini. Milano: U. Mursia, 1976.
- [Еродот 1977] — Еродот. La battaglia di Salamina, libro VIII delle storie / A cura di A. Masaracchia. Milano: A. Mondadori, 1977.
- [Finley 1975] — Finley M.I. The Use and Abuse of History. London: Chatto & Windus, 1975.
- [Finley 1981] — Finley M.I. Uso e abuso della storia. Torino: G. Einaudi, 1981.
- [Finley 1985] — Finley M.I. Ancient History. Evidence and Models. London: Chatto & Windus, 1985.
- [Finley 1987] — Finley M.I. Problemi e metodi di storia antica / Trad. it. di E. Lo Cascio. Bari: Laterza, 1987.
- [Ginzburg 1986] — Ginzburg C. Miti emblemi spie. Torino: G. Einaudi, 1986.
- [Ginzburg 1991a] — Ginzburg C. Il giudice e lo storico. Considerazioni in margine al processo Sofri. Torino: G. Einaudi, 1991.
- [Ginzburg 1991b] — Ginzburg C. Checking the Evidence: the Judge and the Historian // Critical Enquiry. 1991. Vol. 18. No. 1. P. 79—92.
- [Ginzburg 1992] — Ginzburg C. Unus testis. Lo sterminio degli Ebrei e il principio di realtà // Quaderni storici. N. s. 1992. Vol. 80. P. 529—548.
- [Ginzburg 1997] — Ginzburg C. Anacharsis interrogava gli indigeni. Una nuova lettura di un vecchio best-seller // L'Histoire grande ouverte: Hommages à Emmanuel Le Roy Ladurie / Sous la direction de A. Burguière, J. Goy, M.J. Tits-Dieuade. Paris: Fayard, 1997. P. 337—346.
- [Ginzburg 2001] — Ginzburg C. Rapporti di forza. Storia, retorica, prova. 2da ed. Milano: Feltrinelli, 2001.
- [Gommel 1966] — Gommel J. Rhetorisches Argumentum bei Thukydies. Spudesmata Bd. X. Hildesheim: Olms, 1966.

- [Grimaldi 1978] — *Grimaldi W.M.A. Rhetoric and Truth: A Note on Aristotle*. *Rhetoric* 1355a 21—24 // *Philosophy and Rhetoric*. 1978. Vol. 11. P. 173—177.
- [Grimaldi 1980] — *Grimaldi W.M.A. Aristotle, Rhetoric: a commentary*: 2 vols. Vol. I. New York: Fordham University Press, 1980.
- [Hankinson 1997] — *Hankinson J. "Semeion" e "tekmerion": L'evoluzione del vocabolario di segni e indicazioni nella Grecia classica* // *I Greci / A cura di S. Settis*. Vol. 2. II. Torino: G. Einaudi, 1997. P. 1169—1187.
- [Hartog 1982] — *Hartog F. L'oeil de Thucyde et l'histoire «véritable»* // *Poétique*. 1982. Vol. 49. P. 22—30.
- [Hartog 1991] — *Hartog F. Le miroir d'Hérodote*. Paris: Gallimard, 1991.
- [Index 1964] — *Index Thucydideus, ex Bekkeri editione stereotypa confectus a M.H.N. von Essen Dre Hamburgensi*. Darmstadt: Wissenschaftliche Buchgesellschaft, 1964.
- [Körte 1904] — *Körte A. Die Entstehung der Olympionikenliste* // *Hermes*. 1904. Bd. 39. P. 224—243.
- [Luciano 1996] — Luciano di Samosata. *Anacharsis o gli esercizi ginnici* // *Luciano di Samosata. Dialoghi / A cura di V. Longo*. Vol. III. Torino: UTET, 1996. P. 337—346.
- [Momigliano 1955] — *Momigliano A. Ancient History and the Antiquarian* (1950) // *Momigliano A. Contributo alla storia degli studi classici*. Roma: Edizioni di storia e letteratura, 1955. P. 67—105.
- [Momigliano 1966] — *Momigliano A. Storiografia su tradizione scritta e storiografia su tradizione orale* (1961—1962) // *Momigliano A. Terzo contributo alla storia degli studi classici e del mondo antico*. Roma: Edizioni di storia e letteratura, 1966. Vol. I. P. 13—22.
- [Momigliano 1969] — *Momigliano A. Ideali di vita nella sofistica: Ippia e Crizia* (1930) // *Momigliano A. Quarto contributo alla storia degli studi classici e del mondo antico*. Roma: Edizioni di storia e letteratura, 1969. P. 145—154.
- [Momigliano 1984] — *Momigliano A. Sui fondamenti della storia antica*. Torino: G. Einaudi, 1984.
- [Mazzarino 1983] — *Mazzarino S. Il pensiero storico classico*. Vol. I. Bari: Laterza, 1983.
- [Moretti 1957] — *Moretti L. Olympionikai, i vincitori negli antichi agoni olimpici / Atti dell'Accademia nazionale dei Lincei: Memorie della classe di scienze morali, storiche e filologiche*. S. VIII. Vol. VIII. Fasc. 2. Roma: Bardi, 1957.
- [Nagy 1988] — *Nagy G. Mythe et prose en Grèce archaïque: l'*ainos* // Métamorphose du mythe en Grèce antique / Sous la direction de G. Calame*. Genève: Labor et Fides, 1988. P. 229—242.
- [Pippidi 1948] — *Pippidi D. M. Aristotle et Thucydide. En marge du chapitre IX de la Poétique // Mélanges de philologie, de littérature et d'histoire anciennes, offerts à J. Marouzeau par ses collègues et élèves étrangers*. Paris: Belles Lettres, 1948. P. 483—490.
- [Platone 1974] — *Platone. Tutte le opere / A cura di G. Pugliese Carratelli; trad. it. di E. Martini*. Firenze: Sansoni, 1974.
- [Presocratici 1991] — *I presocratici / A cura di A. Lami*. Milano: Rizzoli, 1991.
- [Quaderni 1980] — *Quaderni di storia*. 1980. Vol. 12.
- [Romilly 1990] — *Romilly J. de. La construction et la vérité chez Thucydide*. Paris: Julliard, 1990.
- [Roscioni 1992] — *Roscioni G.C. Sulle tracce dell'Esploratore turco*. Milano: Rizzoli, 1992.
- [Ryan 1984] — *Ryan E.E. Aristotle's Theory of Rhetorical Argumentation*. Montreal: Bellarmin, 1984.
- [Solmsen 1929] — *Solmsen F. Die Entwicklung der aristotelischen Logik und Rhetorik // Neue Philologische Untersuchungen*. IV. Berlin: Weidmann, 1929. S. 227—228.
- [Ste. Croix 1975] — *Ste. Croix G.E.M. de. Aristotle on History and Poetry (Poetics, 9, 1451 a 36-b 11) // The Ancient Historian and his Materials. Essays in Honour of C.E. Stevens on his Seventieth Birthday / Ed. by B. Levick*. Farnborough, Hants.: Gregg, 1975. P. 45—58.
- [Täubler 1927] — *Täubler E. Die Archäologie des Thukydides*. Leipzig: Teubner, 1927.
- [Täubler 1987] — *Täubler E. Ausgewählte Schriften zur alten Geschichte*. Stuttgart: Franz Steiner, 1987.
- [Thomas 1990] — *Thomas R. Oral Tradition and Written Record in Classical Athens*. 2nd ed. Cambridge: Cambridge University Press, 1990.
- [Weil 1960] — *Weil R. Aristotle et l'histoire*. Paris: Klincksieck, 1960.
- [Westlake 1958] — *Westlake H.D. Hōs eikos in Thucydides // Hermes*. 1958. Vol. LXXXVI. P. 447—452.
- [Williams 1993] — *Williams B. Shame and Necessity*. Berkeley: University of California Press, 1993.
- [Ziegler 1929] — *Ziegler K. Der Ursprung der Exkurse im Thukydides // Rheinisches Museum*. N. s. 1929. Bd. 78. P. 58—67.